

Иваницкий Игорь Александрович родился 10 мая 1944 года в городе Свердловск. Детство и юность провёл в Украине, в городе Умань. После службы в армии окончил Киевский политехнический институт.

Работал в проектно-институте. С авторским надзором, сопровождая строительство, многократно объездил страну, каждый раз удивляясь её необъятности, с благодарностью судьбе за встречи с новыми, интересными людьми. В последние четверть века реализовал себя в качестве руководителя проектов в составе коллектива, одним из первых в Украине освоившего проектирование уникальных высотных зданий.

Автор – типичный представитель первого послевоенного поколения, выросшего в наступившей тишине, под знаком надежды и веры в завтрашний день. *“Им, помнящим запах военных шинелей своих близких, предстояло стать носителями этой памяти и вести разговор с родителями до конца своих дней”.*

**МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИЗДАТЕЛЬСКИЙ
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР**

Издательство **ALPHABOOK**
www: izdat-knigu.com
г. Киев

И. А. ИВАНИЦКИЙ

Недосказанные слова

(О военных дорогах моих родителей)

И. А. Иваницкий

Недосказанные слова
(О военных дорогах моих родителей)

Первое послевоенное

Август 1945 года. Шесть долгих лет отец шел к порогу этого дома. И вот с Урала, из далёкого города Свердловска, через половину разрушенной страны мы приехали на его родину, в Украину. Смутно помню тенистую дорожку от калитки к высокому крыльцу, склонившиеся высокие кусты по сторонам. Светлый коридор, этажерку. Большую комнату, наполненную белым светом. А дальше – две отчетливо запомнившиеся картинки. Было мне тогда от роду год и три месяца.

Никто не верит, а я помню
Затишье сонных светлых комнат
В горячий августовский полдень
В победный сорок пятый год.
Под белым светом занавесок
Лежал и слушал с интересом,
Как мягким голосом Бернеса
Со стенки радио поёт..
А в два ловил за дверью звуки,
Кричал и звал сквозь боль разлуки,
И ждал, когда родные руки —
Моё спасение придёт.

Мелодия песни запечатлелась сразу прочно и на всю жизнь, а волнующие слова *«В далёкий край товарищ улетает...»* пришли позже. И – первое ощущение материнских рук. Просто мама вышла ненадолго и я познал в полной мере горечь одиночества.

Немного позже, когда я начал осваивать разговорную речь, мама, отвлекая меня от очередного капризного бунта,

прижала к моему уху телефонную трубку. Близкий голос отца мгновенно меня успокоил: «Не плачь, сынулька, я тебе семечек принесу». Первая осмысленная запомнившаяся фраза. Я и сейчас вижу черную пластмассу этого телефона.

Знакомство с окружающим миром стремительно ускорялось, и центром мироздания, как и у любого ребёнка, были мои родители.

Началось послевоенное детство. Смысл слова «послевоенный» может понять до конца только живший в ту пору. Повсюду следы недавней войны. Ещё неубранные завалы из кирпича разрушенных домов, воронка от бомбы посреди нашего огорода в Умани, немецкий окоп на краю того же огорода, на бровке высокого косогора. Играя в войну, из полузасыпанного окопа мы извлекали пулеметные ленты и цепляли на себя.

Американские «Виллисы», «Доджи», «Студебеккеры», немецкие трофейные «Опели», «БМВ», «ДКВ», мотоциклы.

Длинные очереди за хлебом, тотальная нехватка всего и вся, неумолимые мамины руки, непрестанно стирающие, вяжущие, строчащие на швейной машинке. Плач трофейного аккордеона по вечерам во дворе соседа. Папа, уходящий на работу затемно. А по ночам я просыпался от его вскриков, тяжелые ранения и контузия давали себя знать ещё долгие годы. Я слышал сквозь сон, как мама терпеливо и бережно успокаивала его. Это были мои первые уроки любви и человеческого сострадания.

Но главные, глубинные приметы недавней войны были скрытыми, они поселились в душах переживших ее, и лишь изредка, чаще всего в случайных, спонтанных репликах вырывались оттуда. В детстве я от воевавших не слышал ни одного законченного, связного рассказа о боевых эпизодах. С годами стал понимать, как им было тяжело погружаться вновь в недавно пережитый кошмар, в ситуацию, противную человеческому естеству. К святой памяти о павших в боях

товарищах примешивалось чувство вины перед ними за необъяснимый выбор судьбы, оставивший уцелевших жить.

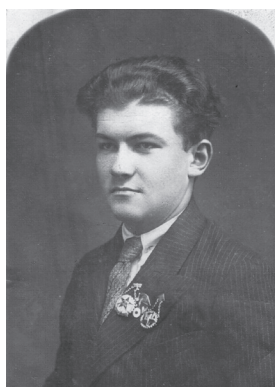
Детская моя память удерживает осознанные впечатления, начиная с сорок восьмого года. Слезы о погибших начали уже подсыхать, и затаились где-то в глубине израненных душ. После пережитых потрясений истерзанная страна возрождалась. Интуитивно я ощущал мощь порыва, рождённого сплочением в противостоянии недавней всеобщей беде. Почта работала, как часы, и помогала в поиске родных и близких, укреплялась земная твердь под ногами. Восстанавливались семейные гнёзда. Возвращались отслужившие еще долгие годы после войны участники сражений. Почти все братья мамы и папы прошли через гостеприимный наш дом и получили поддержку на старте обновленного пути, в образовании и первичном обустройстве. Все были молоды, не было опущенных рук и потухших взглядов. У каждого свой тяжелый, уже пройденный путь. И жизнь начиналась заново с великой верой в лучшие времена. Живым было общение людей — дружили семьями, ходили в гости, вместе радовались наступившей тишине мирных дней. Помню чудесные застольные песни той поры, русские и украинские, маму — запевалу, шипение иглы патефона, шумную возню с пришедшими в гости моими сверстниками.

Война разрушила и разлучила многие семьи. Но в огне и дыму на фронтах, в военных госпиталях, в голоде и холоде военного производства в тылу и обнищавших деревнях молодые сердца находили друг друга, и зарождалась новая жизнь, и появлялись дети войны. И подрастало новое поколение, выстраданное и защищённое всем нашим народом, ценой величайших жертв. Им, помнящим запах военных шинелей своих близких, предстояло стать носителями этой памяти и вести разговор с родителями до конца своих дней.

Отсюда в моих детских ощущениях послевоенной поры — доминирующий образ цветущего мая, полного молодой зеле-

ни, цветов, солнца и света. И весь позитив, вынесенный из тех незабываемых лет, неразрывен со святой памятью о родителях, прошедших предназначенный им судьбой отрезок пути тяжелого военного времени.

Отец

Отец мой, Иваницкий Александр Александрович родился в марте 1919 года в селе с удивительным названием – Шура Метлинецкая, расположенном в пяти километрах от Гайсина – географического центра Украины. В раннем детстве лишился родителей, воспитывался роднёй. Был спасён ею во время голодомора, в тридцать седьмом году окончил Казатинский зоотехнический техникум птицепромышленности с присвоением квалификации техника-технолога. Получил должность начальника трех цехов на местном птицекомбинате. Жил у дяди с его семьёй в Казатине. В одну из ночей в дверь постучали. Обыск шёл всю ночь, дядю увели. Вернулся он через двенадцать лет, все заботы о маленьких двоюродных сестрах и дядиной жене, которую нигде не брали на работу, легли на плечи отца. Ему было тогда только восемнадцать.

Военные дороги отца начались с призыва в сентябре 1939 года. Призыв выглядел обычным, плановым. Никто из призывников не догадывался об уготованной им судьбе.

Грянули трубы
Медью печальной,
Маршем славянки,
Криком прощальным,
Юность закончилась.
Чёрной дырою
Путь перед нами
В годы длиною.
Пусть не оставит
В дороге надежда,
Всё возвратится,
Будет, как прежде,
Голову выше,
Пояс потуже,
Так начиналась,
Военная служба.
Сомкнуты плечи,
Замкнуты лица,
Пыль за спиною,
В поле ложится.
Тяжкая поступь
Роты на марше.
В тот день осенний
Мы стали старше.

Совсем скоро, через два месяца, они были подхвачены безжалостным вихрем финской, а затем Великой Отечественной войны, и абсолютное большинство того призыва легло в землю погасшими искорками, распорошенными на огромных пространствах, охваченных всенародным бедствием.

С первого дня «зимней» войны и до ее окончания в марте 1940го отец на фронте. Его отрывочные воспоминания рядового солдата, который не мог видеть всей картины военных действий, его ощущение финской войны совпало с

появившимися много позже правдивыми мемуарами и трактовкой историков.

Его подразделение состояло сплошь из земляков, призванных одновременно, наскоро подготовленных в течение одного – двух месяцев. И с ходу бои, лыжи, на которых большинство стоять не умело, свирепые морозы, активность финских неуловимых отрядов и несоизмеримые, неоправданные потери наших войск, большой урон от «кукушек» и партизанского метода борьбы финнов, которые воевали на своей земле. Всё это видели бойцы на своём уровне. Некоторые запомнившиеся штрихи.

Отца назначают старшим команды и отправляют за условную линию фронта. Задача – разведка и пленение языка. Вчерашние сельские парни, никогда не помышлявшие о кровавых схватках, опасных, непредсказуемых сценариях событий в вооруженной борьбе не на жизнь, а на смерть, были оторваны от мирного, уютного быта и брошены в неизвестность, в навязанное безумие, называемое войной. Часть пути они шли по местам недавних боёв, видели оставленный финнами госпиталь, полный замёрзшими ранеными.

Дальше пошли короткие стычки, где впервые им пришлось убивать и терять своих друзей. Близкий друг отца еще с малой родины был тяжело ранен и умер у него на руках.

Фамилия его была Мороз, он истёк кровью, дымящейся на морозе. В этом месте папиного рассказа дрожь от контузии с руки перекинулись на все тело. Его как-то волнами начало трясти, мама бросилась его успокаивать. С тех пор я никогда не задавал целенаправленных вопросов о войне, хотя с годами последствия контузии и утихли.

Задание было выполнено, пленный был доставлен. Отца и всех вернувшихся представили к различным наградам. У отца есть медаль «За отвагу» и орден «Красная звезда». К сожалению, не имея наградных листов, не могу привязать эти награды к определённым событиям. Ещё отец рассказывал

о бронещитках, которые ставили на лыжи и толкали перед собой под градом пуль вплоть до огневых точек противника, закладывали взрывчатку и взрывали. Трудно представить эту игру со смертью.

Когда из взорванных ДОТов выходили полуживые люди, отец и большинство солдат, только что едва избежав гибели в бою, не испытывали победного ликования. Отец помнит только бесконечную усталость. Среди сдавшихся в плен были офицеры царской армии и женщины. Как наши обращались с пленными, отец не знал.

Отцу повезло. Финскую он прошёл с небольшими царапинами, легким ранением ноги и обморожениями.

Ханко. Оборона. Эвакуация

С этого периода по номерам войсковых частей, указанных в военном билете отца и наградном листе на орден «Отечественной войны», предоставленном архивом Минобороны, по отрывочным его воспоминаниям мне удалось по двум эпизодам достоверно установить ход событий. Продираясь сквозь путаницу переподчинений, переименований, переформирований войсковых частей, заходя в тупик и возвращаясь к началу поиска, я находил материалы, свидетельства участников, открывших мне зримую картину давних страшных событий. В них, случайно избежав смерти, участвовал отец. Знаю, он прошёл испытания с честью.

По мирному договору с Финляндией от 12 марта 1940 года СССР получил в аренду полуостров Ханко (Гангут) в горле Финского залива. И уже в марте начали прибывать войско-

вые части и гражданские лица для строительства военной базы. В их числе Восьмая отдельная стрелковая бригада, в которой служил мой отец. До начала войны с Германией гарнизон занимался строительством укреплений и военной подготовкой. После немецкого вторжения финны — 25 июня 1941 года — объявили нам войну. Началась интенсивная артиллерийская борьба. Финны предприняли несколько безуспешных попыток штурма наших позиций, но были отбиты, и линия обороны не изменялась до плановой эвакуации советских войск.

Отец был тяжело ранен. Выписан из госпиталя в конце октября. Их часть эвакуировалась на эсминце «Сметливый». Писатель-историк Александр Алексеевич Чернышев в книге «Балтийский флот в битве за Ленинград. 1941 г.» приводит поминутную картину гибели корабля.

4 ноября 1941 года. В 16.20. во время погрузки у причала снаряд вывел из строя носовое орудие и два человека команды.

В 19.00, приняв на борт 560 человек с вооружением, «Сметливый» в составе конвоя вышел в море. Ночь лунная, ясная, море 2–3 балла.

В 23.07 у самого борта в параване взрыв мины. Корабль потерял скорость.

В 23.25 под носовым мостиком взорвалась вторая мина. Оторвало полубак. Носовая часть продержалась на плаву 12 минут. Погибли все командеры и люди, находившиеся там.

В 23.50 дрейфующий эсминец коснулся мины. Третий взрыв расколол корпус в районе кают компании. Передняя часть корабля с людьми сразу затонула.

5 ноября. В 0.20 к оставшейся на плаву кормовой части пришвартовался тральщик Т-205 «Гафель». В течении 25 минут удалось снять оставшихся в жи-

вых людей. В спасении из воды участвовали также малые охотники.

В 0.50 корма затонула.

Погибло 233 пассажира из 560 и половина команды эсминца.

Из-за сильного перегруза Т-205 вернулся на Ханко. Уже к вечеру на имевшихся судах спасенные были снова отправлены в Ленинград.

Я пытаюсь перенестись мысленно в тот ледяной ужас и побыть рядом с отцом хотя бы минуту. Ночь, темень, чёрная пучина, мороз – начиналось образование льда. Отчаянная надежда на руку помощи. Последние мысли на краю неизбежности. Это были молодые ребята одного возраста, призванные еще в мирное время. Волею каких темных сил они были обречены воевать и умирать? Спасение пришло, хотя и не для всех. Я запомнил название тральщика – «Гафель». В летописи войны он оставил славный след.

Ленинград. Усть-Тосна. Ивановский пятачок

В Ленинграде Восьмая стрелковая бригада на некоторое время была выведена в резерв командующего фронтом и переформирована в 136 стрелковую дивизию 23 армии, с последующим, окончательным переподчинением 55 армии Ленинградского фронта. До отправки на позиции размещались в большом старинном здании с обширным двором, обнесённым кованой решеткой. Двор служил строевым плацом. Боевая подготовка с утра до вечера, несмотря на голод. Из доклада командира бригады: *«Артполк бригады во всех боях*

на Ханко потерял 14 человек, в Ленинграде, будучи в резерве, от голода – втрое больше».

Дисциплина, согласно законам военного времени, поддерживалась жестко. Вспоминает отец: *«Старшина, обворовывая солдат, сбывал хлеб в корыстных целях голодающим женщинам. Жителей ближайших домов созвали и показательно расстреляли старшину перед строем. У одного из солдат обнаружили немецкую листовку с пропуском через линию фронта. Та же мера – расстрел перед строем».*

Отец уже был сержантом, помкомвзвода стрелковой роты, когда их направили на фронт. Шли пешком долго, морозной вьюжной ночью. Под началом отца были также два пулемета «Максим». Расчеты везли их в собранном виде на санках. Когда, обессиленные, добрались до траншей, на переключке не оказалось одного расчета с пулеметом. Отец запомнил слова комиссара-земляка: *«Ну що, синку, йди шукай... Якщо не знайдеш, розстріл на місці».* При этом вынул из кобуры наган. По-прежнему мело, местность незнакома, но опыт зимней войны помог взять себя в руки, и он, идя по заматаемым следам, нашел пулемет и два замерзших тела. Обессиленные от голода и долгой дороги, они присели отдохнуть и незаметно уснули навечно.

Вот еще две сгоревшие жизни. Они, как и все, погибшие в великой войне, сделали всё, что смогли. Отец взял документы, винтовки, запрягся в сани и уже не помнил, как дотащил весь этот груз в одиночку. И остался жить и воевать дальше. Промороженные землянки, окопный быт, снова поход в ближайший тыл немцев в разведку, прием в партию, лето, сырость, постоянная вода в землянках. И вот — наступление, четвертая неудачная попытка прорыва блокады Ленинграда. Ча-

стью, началом большого наступления была Усть-Тосненская операция. Началась она 19 августа и закончилась 8 сентября сорок второго года.

Река Тосна впадает в Неву на сорок пятом километре от Финского залива. В месте впадения по берегу Невы — маленький поселок Усть-Тосна и село Ивановское, занятые немцами. В устье реки 19 августа был высажен десант Балтийского флота в пятьсот человек. Началась ожесточенная борьба за удержание крошечного плацдарма — 600 метров по берегу Невы и 400 метров вглубь, по берегам Тосны. За время боев до стабилизации позиций безвозвратные потери составили почти двадцать одну тысячу человек. Бой систематически переходил в рукопашный, до семи — девяти контратак немцев в сутки.

Второго сентября в бой вступил свежий полк 136-ой дивизии, в которой служил мой отец. Полк форсировал Тосну, чтобы вновь захватить отбитое немцами Ивановское. В результате кровопролитных боев плацдарм был удержан нашими войсками, но основная цель не достигнута, с Волховским фронтом не соединились. В какой-то из этих дней, со второго по восьмое сентября, в непрерывных атаках, ведя за собой стрелковый взвод (с июня сорок второго — в должности командира взвода) и был ранен отец разрывной пулей в левую височную часть. Вспоминает: *«Почувствовал удар, лицо сразу залило кровью. Перехватил винтовку ремнем на сгиб локтя, рану зажал ладонями. Мимо пробежал ротный. Оторвал руки от лица, крикнул: «Иди в санпункт!» Какое-то время шел, потом меня подобрала». Санпункт размещался в подвалах разрушенного пивоваренного завода. Там же штаб наших войск. Место возвышенное, все поле боя просматривалось. Воспоминания телефонистки штаба: «Я видела, что везде в траншеях идет гранатный бой и немцы бьют отовсюду. Потом немцы встали в рост и пошли в атаку. Кто лопатой, кто штыком, кто чем, кто кого рубил. А утром все*

началось вновь. Не стрелял только мёртвый». Она же дала живое описание поля боя — «Долины смерти», «Горбатого моста». Немного воображения — и я вижу маленькую фигурку отца, бегущую сквозь взрывы гранат, сквозь дым в свой последний бой. Никогда я не узнаю, что думал он и тысячи других за секунду до ранения или смерти. Можно довериться только редким уже в наше время участникам войны, писателям, прошедшим войну и поэтам-фронтовикам.

Откуда приходит Голос, подавляющий страх? Где то решающее мгновение, когда сознание покидает плотскую оболочку и, как бы со стороны, управляет поступками в момент смертельной опасности? Где предел прочности серебряного шнура, связывающего душу и тело?

Когда на смерть идут — поют,
А перед этим можно плакать.
Ведь самый страшный час в бою —
Час ожидания атаки.
Снег минами изрыт вокруг
И почернел от пыли минной.
Разрыв — и умирает друг.
И, значит, смерть проходит мимо.

.....
Но мы уже не в силах ждать.
И нас ведёт через траншеи
Окоченевшая вражда,
Штыком дырявящая шею.
Бой был короткий. А потом
Глушили водку ледяную,
И выковыривал ножом
Из-под ногтей я кровь чужую.

Стих Семёна Гудзенко «Перед атакой», написанный им на фронте в двадцать лет — шедевр психологической драмы,

крик души человека, лишённого права выбора. Только так – встать и шагнуть навстречу своей судьбе. И – проклятие самому действию, называемому войной. В ранней версии стиха есть строчки:

...Будь проклят сорок первый год
И вмёрзшая в снега пехота...

Здесь правда, очищенная от шелухи надуманных построений. Всё предвзятое ушло перед дыханием вечности. Как и кем насаждается в души людей *«Оконечившая вражда, штыком дырявящая шею...»*? Где её первоисточник? Есть ли иммунитет от её проникновения и разложения человеческого естества изнутри? Или *«сон разума»* неизбежно, с роковой методичностью посещает беспамятное человечество и мы ждем или уже дождались новой его гибельной волны?

С замиранием сердца я читал воспоминания телефонистки. Отца перевязывал кто-то из медсестер медпункта, фамилии которых она назвала в своих записках и я их теперь знаю. А лейтенант, начальник санитарной службы полка, руководивший переправой раненых через Неву, был убит прямым попаданием снаряда на берегу при погрузке.

Из тех же воспоминаний: *«Тогда, в 42 году, нам всем сказали: «Вы не выполнили боевую задачу». Т. е. все усилия, все жертвы, все павшие герои остались не отмеченными наградами»*. Наградный лист на отца был подписан только 13 апреля 1946 года. *«Будучи командиром стрелкового взвода в момент атаки при обороне блокады Ленинграда в районе Усть-Тосна был тяжело ранен разрывной пулей в левую височную область с отсутствием*

глазного яблока... Представлен ...к ордену «Отечественной войны I степени».

Обращаюсь к статусу других наград отца. Их немного. Но заслужены они были в самом начале войны, в труднейший её период. Медалью «За отвагу» награждали исключительно за личную храбрость, проявленную в бою. Ордена отец также получил за мужество на поле боя. Но особенно он дорожил медалью «За оборону Ленинграда» с, казалось бы, негромким статусом: «...за участие...». Для отца эта скромная медаль подводила черту, суммировала пережитое в войне, соединяла его с братством мертвых и живых защитников великого Города. Города, за который он пролил кровь. И выполнил свой воинский долг до конца.

Мама

Родилась в 1921 году в селе Загора Оханского района Пермской области в многодетной крестьянской семье. Детство было тяжелым, но в июле 40 года закончила фельдшерско-акушерскую школу. Ее направили вести самостоятельную практику в пригород Свердловска. Дали служебную квартиру, куда она забрала из деревни свою маму и трех младших братьев. Отец ее к тому времени умер.

Началась война. Медики были призваны в первые дни. Больница, где работала мама, была преобразована в военный госпиталь. Мама одела военную форму и была назначена в санитарный военный поезд фельдшером. Ездил не-

долго – три месяца, вспоминала бомбежки и обстрелы на Волхове. По данным военной статистики, в сорок первом было 224 нападения немцев на санитарные поезда. Но с маминим поездом все как-то обходилось. Под Вышним Волочком уже бомбили беспощадно, пока не осталась груда колес и пылающие остатки вагонов. Мамина подруга в поисках спасения закрылась в туалете, там ее и нашли, прошитую осколками и обгоревшую. К счастью, они еще не погрузили раненых. Из маминих записок: *«Живых нас осталось мало и нас снова направили в Управление эвакогоспиталей и я получила направление в э. г. 1709 в г. Свердловске»*. Из письма начальника хирургического отделения эвакогоспиталя, написанного по запросу с места работы мамы после войны: *«...Обслуживали рядовой состав. Профиль – раненые в голову, глаза, в конечности. Особенно тяжелыми были ранения в глаза. За этими ранеными, навсегда лишившимися зрения, нужен был особенный уход и подход к ним. В нашем отделении работала прекрасная медицинская сестра – Шура Щукина...»* Письмо занимает четыре страницы. Я читал, и слезы очищали мою сыновнюю, вечно виноватую перед мамой душу. Мама быстро привыкла к обязанностям, работала в качестве операционной, а потом старшей медсестры. Самое трудное для нее было выносить из операционной части человеческих тел. На холоде лестничной площадки стояла обыкновенная эмалированная ванна с дезинфицирующим раствором, с прибытием новой партии раненых она ежесуточно наполнялась.

Мама всегда любила читать. В Умани помню библиотеку на втором этаже старого дома. Как-то мама взяла меня туда с собой, шестилетнего, чтобы обменять прочитанные книги. Помню просветлевшее, совсем юное и красивое лицо мамы, когда она пролиставала предложенную ей книгу Веры Пановой «Спутники». Она ни слова не сказала о своей причастности, но я сразу понял, что там написано о чем-то бесконеч-

но дорогим для мамы. Уже будучи школьником, я прочитал эту книгу и оценил её.

Семейный наш архив невелик, но содержит некоторые записи, сделанные бесконечно дорогим маминым почерком. Есть песенник ее любимых песен, аккуратно переписанных в тетрадь с предваряющим текстом: *«Песни юности моей. Все пропела, особенно в войну. Играла на гитаре и пела в госпитале до отбоя до 11.00 вечера. Раздам лекарства, выполню процедуры, а если ночное дежурство, то больные не отпускают из палаты, всё просят: «Сестра, еще поиграйте и спойте». Больные хором поют, я играла и тоже пела. Даже все тяжело больные переставали стонать и слушали. Приверженцы песни собирались по национальным группам и старались перепеть друг друга. Самые голосистые были украинцы. Идут по коридору на костылях, с палками, поют красивые песни украинские. Когда их выписывали на фронт, устраивали клубные выступления с участием профессиональных артистов. Да, воспоминания, где всё делось и ушло? Жизнь моя, приснилась ли мне?»*

Из письма начальника отделения *«...А время то было тяжелым. Приходилось работать полуголодными. Нужно было «не брюзжать», а мобилизовать все силы, что и делала эта трудолюбивая медицинская сестра Шура Щукина (сейчас Иваницкая)».*

Маме приходилось писать письма родным раненых под их диктовку. Слепые, безрукие доверяли ей самое сокровенное. Иногда это были последние письма умирающих. Маме приходилось собирать все свои душевные силы, искать нужные слова для их ободрения. По её словам, этих писем хватило бы на целый том задокументированных человеческих страданий.

Удивительно, как живуча добрая память о человеке. Недавно получил письмо моей двоюродной сестры, позволю себе привести его отрывок: *«...Твоя мама рассказывала, как они с твоим отцом познакомились в госпитале, как все доктора от него отказались и выкатили в коридор просто, наверное, умирать, и как она его выходила... и влюбилась... Какие они были молодые! Красивые внешне и особенно душой... Она была и есть для меня жизненный пример порядочности, доброты, трудолюбия, честности, справедливости и любви...»*

В жизни родители были неунывающими, стойкими к любым невздам людьми. Они были сходны характерами. Оптимизм в любых ситуациях, тонкое чувство юмора, любовь к чтению. Отец обладал замечательной памятью и отлично играл в шахматы, мама любила петь. Шутки, еврейские, польские анекдоты, мамины песни — все это выделяло их в любой компании. Даже после тяжелой болезни отца в конце пятидесятых, сломавшей его служебную карьеру, ничего в их характере не изменилось. Мама снова вернула отца к жизни в буквальном смысле слова, вместе с врачами выводила его из состояния клинической смерти. Они прожили скромную достойную жизнь, ни на что не жалуясь и радуясь каждому дню. Они дождались внуков и правнуков. Младший лейтенант запаса — мой отец и лейтенант запаса военно-медицинской службы — моя мама.

В заключении хотелось бы сказать, как обдумывал каждую строчку, чтобы не оскорбить вымыслами память о родителях; как, едва прикоснувшись к доступным материалам крошечного участка военных действий, заново ощутил масштабность и необъятность всенародной беды; как пытался сложить короткую формулу войны, опираясь на классиков прошлого, получалось: *«сон разума»* в фазе *«навязанного безумия»*; как пытался понять истоки *«окоченевшей вражды, штыком дырявящей шеи»* и найти иммунитет от нее в чело-

веческих душах; как ужасали меня люди равнодушные, живущие только сегодняшним днём, страдающие амнезией к исторической памяти.

Что и как долго будут помнить наши потомки? Это зависит от нас. Недавно спросил своего взрослого сына, как он провёл выходные. «Ездил в Умань», — ответил он. Я напомнил, что совсем недавно он возил своих друзей в Софиевку, да и семьёй мы вместе ездим туда регулярно. «Папа, извини», — ответил сын — «мне нужно было побыть одному в городе твоего детства». Видимо, что-то в прожитой жизни я делал правильно.

А в Умани мы всегда начинаем с цветов к дорогим могилам. Там лежит и мой отец. Мама — здесь, на Лесном кладбище. Но они всегда рядом. Я поместил на плитах строчки из стиха, который понравился маме при жизни.

У мамы: «Пусть будут сны мои легки,
 И сердце не болит,
 В тот самый час, в конце пути,
 Не вспомню я обид...»

У папы: «Когда свершится путь земной,
 Я возвращусь туда,
 Где папа был еще живой,
 И мама молода».

(И приписал — «От сына».)

Скорбим и помним

Победный месяц май неизбежно обращает память к людям, окружавшим нас в детстве. Все они прошли через войну, как и мои родители. Каждому из них выпал свой жестокий жребий. Многих из них я помню по именам, других — только образно, но все они оставили в душе впечатляющий, неизгладимый след.

Мы помним школьных учителей, вернувшихся с войны, преподавателей в институтах, всех, с кем соприкоснулись наши пути. В день Победы в числе традиционных тостов поднимаем горькую чарку и за «...соседей, живших за углом, да и за тех, что жили ниже...» в ту далёкую пору.

Я вспоминаю дядю Мишу Цирлина, ближайшего соседа, закончившего войну майором, начальником штаба полка тяжёлой артиллерии, оглохшего от грохота орудий. Это его аккордеон завораживал всю округу по вечерам в летние выходные дни.

Хорошо помню дядю Жору, жившего ещё ниже по улице. Как только начинало пригревать весеннее солнышко, его выносили на улицу. Ноги были на месте, но после ранения он не мог ходить. И выкатывали из сарая мотоцикл, брошенный немцами. Напевая песенку, он разбирал — собирал его. Видимо, согревала мечта охватить когда-нибудь ожившими, снова молодыми ногами седло и вольным ветром промчаться по улицам нашего городка.

С дядей Колей Таубе мы дружили семьями всю жизнь. Ранцевый огнемёт на спину — и на правый берег Волги, в мясорубку решающих дней и ночей Сталинграда. Был огнемётчиком, бойцом ближнего боя с расстояния двадцати ме-

тров до противника. Осколком гранаты ему снесло верхнюю челюсть. Госпиталь в Красноярске, бесконечные операции, протезирование. А было тогда этому маленькому еврейскому мальчику-портному всего восемнадцать лет.

С художником Непийпиво отец подружился в госпитале в Свердловске. У обоих тяжелые ранения требовали повторных операций, и лежали они на излечении с октября сорок второго по октябрь сорок третьего. Изуродованную правую руку художника спасли. Вернувшись в Киев после войны, он участвовал в росписи восстановленного железнодорожного вокзала, писал пейзажи нашей родной прекрасной земли, со временем стал народным художником Украины. Там, в госпитале, они влюбились в подружек из медперсонала, выходивших их. Одна из них стала Иваницкой, моей мамой, другая — женой художника Непийпиво. Семьями общались до конца своих дней.

У двух моих ближайших школьных друзей отцы были вызволены из Уманской ямы женщинами, вернее, юными девушками. Они стали супругами ещё в оккупации. После освобождения Умани были призваны и воевали до конца войны. Жена одного из них жива до сих пор.

У отца начальником цеха работал Вайнер. Был начитан, интересен в общении, мы дружили семьями. Жену и двух малолетних детей в числе тридцати тысяч евреев расстреляли в уманском яру осенью сорок первого года. Об Уманской стотысячной яме знают все, а об одиноком гранитном обелиске, который я обнаружил случайно в юности в зарослях деревьев в верховьях большого городского пруда, знают немногие. Тропа к нему уже практически заросла — *«...Ни примет, ни следа...»*

Сам Вайнер пережил оккупацию рабочим по двору у гебитскомиссара Умани. Был предупреждён об очередной чистке и восемь месяцев прятался в погребе в овчарне у крестьянки в пригородном селе до прихода наших войск. Его истории хватило бы для написания большой печальной повести.

Перечень скороговоркой показанных персонажей может показаться скучным и неуместным. Но – вдумайтесь! Все они типичны для той поры. И несть им числа. Суть любой эпохи – в судьбах людей, в ней живших. Это только часть человеческих историй, вынесенных мной из послевоенного времени.

Мы вспоминаем дальних и близких родственников, военную судьбу которых хоть в какой-то мере мы знаем. Это целые поэмы драматизма и раздумий – как всё это они выдержали и избежали психологического разлада, сохранили человеческое лицо? Более того, с огромным энтузиазмом восстанавливали страну, стремились к знаниям, обретали профессии и занимали в жизни достойное место.

Сводный брат отца – Игорь в семнадцать лет был из Ржева угнан на работу в Германию. В апреле сорок пятого сидел в тюрьме, ожидая приговора немцев. Приговор тогда мог быть только один – расстрел. Тюрьму разбомбили американцы, а вскоре подошли наши войска. Освобождённые заключённые разных национальностей организовались в истребительные отряды, многие из бывших охранников были выловлены и жестоко поплатились. Жестокость неизбежно порождает жестокость. Дяде тогда было девятнадцать, он старался не вспоминать то время. Прошёл японскую и долго еще служил. В жизни был весёлым и жизнерадостным, какая-то интеллигентская закваска была в нём.

Ещё один двоюродный брат отца – Борис. Студентом в Москве ушёл в ополчение, был взят в плен немцами и эшелонам отправлен на запад. Проезжая Украину, на ходу вы-

прыгнул из вагона. Месяц в стужу и голод, обходя немецкие и румынские заставы, пробирался пешком к родным в Казатин. Пришел домой, обмотанный тряпками, почерневший от обморожений. Его с трудом узнали, отмыли и поставили на ноги. После освобождения воевал до конца войны.

У мамы было пятеро родных братьев. Один — капитан, погиб в сорок четвёртом году. Все братья её очень любили, а для трёх младших она была второй матерью. Брат Василий, танкист, дошедший до Берлина на самоходном орудии, всю войну носил с собой фотографию тоненькой девочки — своей сестры — моей мамы. Верил, что это она, как надёжный талисман, его спасла — он не раз горел в танках и самоходках.

Когда мне, шестилетнему, он весело рассказывал, как экипаж разбежался от горящей самоходки, я, надув губы, вычитал дяде за проявленную трусость — надо было на пылающей машине продолжить бой. Дядя только погладил меня по голове. Дяди и мамы давно уже нет, остались фотографии и воспоминания. Какими они были молодыми и красивыми!

Просматриваю, медленно листая, семейные, ещё бабушкины, сильно разорённые альбомы. Фотографии, покрытые патиной времени. Клееные — переклеенные, иногда вырезанные ножницами вместе с подосновой. Надписи на некоторых с обратной стороны, хватающие за сердце. Число, месяц, год, дарственные слова. За ними целая история далёкой уже эпохи.

Бережно беру в руки одну из фотографий. Две красивые девушки в добротных форменных полушубках и шапках-ушанках со звёздочками. На обратной стороне надпись: *«На память милой подруге Шуручке от Аси. Вспомни меня, если только придется с победой вернуться домой. Вспомни, когда вечер начнётся, вспомни как друг боевой. Шуручка, вспомни и взгляни, взгляни и вспомни трудные*

дни. 1943 г.». В наивных рифмах – вселенская беда, робкая надежда и страстное желание выжить. Вернулись ли?

Мама и папа, их братья, сёстры, родственники, соседи разных лет, друзья, просто добрые знакомые смотрят на меня из глубины времени. Невольно вспоминаются слова простой и трогательной послевоенной песенки о старом фотографе:

...Подойдите друг к другу поближе,
Я сниму вас на фоне бульвара,
Улыбнитесь, теперь я действительно вижу,
Что вы просто чудесная пара...

Статистики такой нет, но супружеские пары, соединенные военным лихолетьем, были удивительно, по моим наблюдениям, устойчивыми. Других примеров в своём окружении я не знаю. Пока были живы родители, я один, а потом с семьёй часто к ним приезжал в Умань. Старались не пропускать Девятое Мая. Скромный семейный стол, поздравления.

Путь к родительскому дому лежит через центр города.

Однажды я подъехал в аккурат к началу торжества, посвященному Дню Победы. Припарковал машину в переулке у самого центра и услышал в тишине звуки, знакомые с детства и сжавшие сердце. Вышел на площадь и увидел картину, забыть которую невозможно. При огромном стечении народа, под ярким солнцем, посреди широкой улицы, в полной тишине шли ветераны, стараясь держать шаг, в сиянии своих наград, осыпаемые цветами со всех сторон. Потом были марши, песни военных лет, но сначала – от вечного огня к памятнику Ленину они шли в торжественной тишине и сопровождал их только звук собственной мерной поступи и перезвон боевых наград – самая святая музыка Победы.

Их было примерно две роты полного состава. В отблесках полковых знамён, под затаённые вздохи многочисленной публики, шла бессмертная гвардия Великой Армии, выстоявшей и победившей. Парад принимал Маршал Советского Союза Чуйков. Это были его солдаты.

Отмечая день Победы, мы скорбим о павших на полях сражений. Мы всматриваемся в бесконечно дорогие нам лица близких, их забрало беспощадное время. В лица всех воевавших, прошедших через нашу жизнь. Они с нами и живы, пока мы помним о них. Низкий им поклон от нашего, первого послевоенного поколения. Наш с ними разговор будет продолжаться до конца наших дней. А недосказанные слова будут подхвачены и продолжены нашими детьми и внуками. Хочется верить в это.

Послесловие

На юбилейных встречах одноклассников, как нигде, остро ощутима поступь времени. Встречи трогательны – только мы, одноклассники помним друг друга с детства, других не осталось. Ушли наши родители, постепенно ушли наши учителя, единицы оставшихся стали нашими иконами. Мы молимся за продление их лет. Скоро новая встреча. Сколько нас явится на этот раз?

С грустью признаём неумолимый фактор времени – первое послевоенное поколение приближается к своему исходу. В новейшей истории мы так же и первое поколение, не знавшее ужаса тотальной войны. Для меня – это суть подвига наших родителей не только на фронтах, но и в период послевоенного строительства.

Жизнь стремительно меняется, мы пытаемся идти в ногу со своими детьми, внуками. Отчасти это удаётся и обеспечивает душевный с ними контакт. Но, одновременно, мы остаёмся там, далеко, в заповедном краю нашего детства, где папа и мама были молодыми. Мы носим в себе память всей нашей жизни. У каждого она уникальна, как и сама жизнь. Лучше поэта (Евгения Евтушенко) об этом не скажешь:

Людей неинтересных в мире нет.
Их жизни, как истории планет.
У каждой всё особое, своё,
И нет планет, похожих на неё.

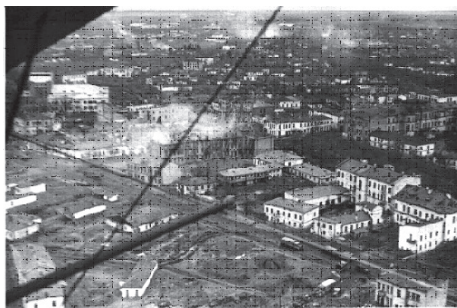
.....
У каждого — свой тайный личный мир.
Есть в мире этом самый лучший миг.
Есть в мире этом самый страшный час,
Но это всё неведомо для нас...

С возрастом всё больше убеждаешься, что главное достояние прожитой жизни — это встречи с интересными людьми. Воспоминания о них согревают, их светлые лица — путеводные огоньки в сумерках рутинных, серых дней. Их не нужно искать за дальними морями. Их нужно просто разглядеть и прикоснуться встречно своей ищущей душой. Если говорить о заре моей жизни — таким человеком для меня была моя бабушка. Сколько удивительных книг она мне перечитала вслух! Я помню довоенную ещё «Родную речь» с оторванной обложкой. На первой же странице волшебные слова «*У лукоморья дуб зелёный...*» перехватывали дыхание. И чудеса только начинались. «*Печальный демон, дух изгнанья витал над грешною землёй...*», «*Ночевала тучка золотая на груди утёса-великана...*». Одним словом, бабушка научила меня понимать гармонию слов, поставленных рядом гениальными художниками. Общение с ней было постоянным,

запомнилось множество эпизодов. Часто эти эпизоды становились нравственными уроками. Один из них я запомнил с пронзительной ясностью.

Конец лета 1949 года. Бабушка увязала в чистую тряпицу скромное приношение: десяток яичек, что-то ещё, и мы отправились в гости к местному священнику. Соседний внутривдворовой тупичок. Кирпичный дом давней постройки, добротный, хорошо сохранившийся. Высокое крыльцо под навесом. Дверной механический звонок. Вышел седой, стройный старик интеллигентной внешности, в рясе. Нас усадили за стол. Чай, невиданное варенье из райских яблочек, круглая ложечка с золоченой витой ручкой. И потекла тихая беседа. О давних годах, о пережитых смутах и благих временах, дарованных Всевышним. О всепрощении и надежде на лучшую жизнь. О здравии живущим и вечной памяти ушедшим от нас. О недавней войне и долгожданном покое всем, измученным бесконечным, обманчивым ожиданием.

Не помню точно ни одной фразы из разговора, но уже тогда я понимал: в затерянном, зыбком мире человек пришёл к другому человеку за утешением, и он его получил. Я был заморожен смыслом этой беседы, её мерным журчанием, её неспешностью. Двое почти незнакомых людей слушали друг друга и слышали. Пастырь и ведомый. И тот и другой сделали свои души немножечко светлее. И был третий, пронёсший этот драгоценный урок доброты через всю жизнь.

В грохоте и суете повседневной жизни нет-нет да и полоснёт по сердцу какая-нибудь примета, голос из далёкого прошлого. Фото Умани с борта «кукурузника»: март 1944 года, на переднем плане – горит четырехэтажный дом в

центре города. Позже в нём, уже восстановленном, жили мои школьные друзья. Неподалёку – дом барачного типа, там жила семья друзей моих родителей. Ещё фото – немецкий офицер на фоне Осташовского пруда. В нём я учился плавать, а позже занимался байдарочным спортом. За прудом виден наш дом. Следующий снимок – отец у трофейного «Опеля», своей служебной машины. Магическая сила запечатленных мгновений.

Чёрно-белые фильмы, заводной голос футбольного комментатора Вадима Синявского, любимые артисты кино тех лет, песни Утёсова, Шульженко, Бернеса – с ними от нас и ушла послевоенная эпоха. Вместе со многими другими артистами той поры они представляли её достойно.

Грустные мелодии духовых оркестров – старинные вальсы и марши. Маршевые ритмы, призванные задавать твердый шаг на пути в неизвестность, в детстве вызывали у меня слёзы. Я их ощущал как синоним рекевиема.

Домашняя коллекция пластинок Апрелевского завода. Раздирающие подростковую душу танго Строка, аргентинская классика, жизнеутверждающие фокстроты. Среди них я выделял «Цветущий май». Май, по многим признакам, с раннего детства был знаковым, любимым месяцем. В мае появлялась и крепла юная зелень, заполнявшая наш двор. Цвели и благоухали сирень, ландыши и розы в нашем дворе. Грозы проявляли себя в полной красе, оставляя впечатление сладкого, чаянного ужаса. Майские жуки. Гудение пчёл и шмелей. И день сезонного открытия сказочного парка «Софиевки». Домой из парка меня, уставшего и хныкающего, отец нёс на своих плечах.

Часто город моего детства приходит во сне. Иногда, по долгу, один и тот же сюжет. По дороге из школы я лечу над землёй низко, почти касаясь её. Знакомый, обычный маршрут, пройденный тысячи раз. Я вижу каждую тротуарную плиту, с трещинами и сколами, каждый кирпич и булыжник,

уложенные в незапамятные времена. А потом – асфальт – покрытие нового времени. Почему-то, мистически, я верю, что будь у меня пошаговые фотографии тротуара той поры, я бы увидел на них в точности все эти мелкие детали.

Много лет прошло. Киев – второй мой родной город. Здесь отчий дом моих взрослых сыновей, давно выпорхнувших из гнезда. Здесь проходит моя жизнь. Как-то зимой, в вечернюю пору, я шёл по подземному, ещё не отделанному и пустынному переходу. И здесь, в прямом смысле слова, мелодия и голос прошлого снова остановили меня.

Зима. Подземный переход.
Здесь время изменяет ход.
Как метроном, звучат шаги,
Мои шаги. И ни души.
Сырая темень по углам,
Лишь в отдаленьи, где-то там
Свет ржавый тянет, как магнит
Наверх, на волю. В этот миг
Качнулась тень у самых ног,
Послышался глубокий вздох,
И вдруг – аккорд, ещё аккорд,
И тишине наперекор
Рвануло эхо, и запел,
И заиграл, и захрипел
В сто голосов аккордеон,
И занял всё пространство он,
От пола и до потолка
И широка, и глубока
Лилась мелодии река,
И уносила в дивный край,
В зелёный май, цветущий май.

И мастерски ведя мотив,
Чуть набок голову склонив,
В углу на ящике сидел,
И не играл, а сердцем пел
Самозабвенно виртуоз,
Вмиг стал он близок мне до слёз,
Пел про далёкую весну,
Про юность давнюю свою...

Последний вздох мехов, и вот
Закончен бравурный фокстрот,
Уснуло эхо в темноте
И что-то сдвинулось во мне,
В глухой подвальной пустоте
Мы были на одной волне.
Я молча деньги протянул,
Он их с обидой оттолкнул:
«Ты подсажи мне, лучше, брат,
Что для тебя ещё сыграть,
Мы ж дети той, одной поры,
Послевоенной тишины».

Я вспоминаю отчий дом,
И медь закатов за прудом,
И бесконечность летних дней
На малой родине моей,
Звук лёгких маминых шагов,
И сладость тихих детских снов,
Поляну ландышей в саду,
Под окнами сирень в цвету,
Весь в зелени тенистый двор,
Плющом укутанный забор,
Кусты роскошных алых роз,
Каскады молний майских гроз,
Над всем царила тишина,
А позади была война.

В зеркально чистых сапогах,
В скрипучих кожаных ремнях,
Под звон медалей, блеск погон,
Они входили в этот дом,
И находили в нём приют,
Очаг домашний и уют,
Сыны истерзанной страны,
Шли победители с войны.
Две стати рода – два лица,
Все братья мамы и отца.
Их было семеро всего,
Кумиров детства моего,
Я помню каждого из них,
Весёлых, сильных, молодых,
Я видел, их сердца полны
Надежды, веры и любви.
У каждого характер свой,

Но не изломанный судьбой,
Что с ними было? Что сказать...
Им не хотелось вспоминать.
И я услышал только раз
Моих родителей рассказ.
Сто грамм в контуженой руке,
Слеза катилась по щеке,
И мамы отстранённый взгляд,
Воспоминаний горьких яд,
Тогда они открыли мне
Частицу правды о войне.
Как гибли в море корабли,
И над замёрзшими людьми,
Смыкалась чёрная вода,
И хоронила навсегда,
На Балтике, в крутой мороз
Так мало их в ту ночь спаслось.
Бомбёжки в волховских лесах,
И ранний иней в волосах,
И как горели поезда
Со знаком красного креста,
Как шли, преодолевая страх,
Вперёд, с оружием в руках,
В разрывах минных шли вперёд,
А за спиной вздымался лёд,
И не было пути назад,
Всех поглотил кипящий ад.
Тот бой, последний для отца,
Полвека снился без конца,
Ему неожиданно повезло,
Как будто всем смертям назло,
Он встретил пулю на бегу,

Ещё на этом берегу,
Пустое око – дань войне
И наступившей тишине.

Зима. Всё тот же переход.
Бутики съели весь проход,
В дальнем углу, под той стеной
Торгуют разной мишурой.
А я всё жду, что он придёт
И вновь сыграет свой фокстрот.
Мне так хотелось бы опять
Услышать: «Что ещё сыграть?»

Средь сотен лиц смогу узнать,
Нам есть, что вспомнить,
что сказать

Про наши речки и пруды,
Про шелест ив и свет луны,
О том, как поспевают рожь,
Годах, которых не вернёшь,
О лицах, близких и родных,
Давно ушедших и живых,
О том, что часто снилось мне
В послевоенной тишине.

Киев, 9 мая 2016 года